

И. С. Аксаков — В. Ф. Пуцковичу

7 июля 1878 г.

Получилъ всѣ Ваши письма, многоуважаемый Викторъ Теофиловичъ, и премного Вамъ благодаренъ. <с. 19> Удивляюсь, что «Гражданинъ» приостановили безъ предостереженія, хотя-бы и третьяго. Если приостанавливаютъ на основаніи 3-го предостереженія, тогда № не конфискуется. Пришлите мнѣ, пожалуйста, самый №, чтобы мнѣ прочесть Ваши статьи. Оказіи ждать долго, *отошлите все¹ посылкой по почтѣ*, только не отъ своего имени. Да, впрочемъ, можетъ быть, Мещерскій знаетъ, кто ѣдетъ въ Москву. Во всякомъ случаѣ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Рѣчь уже напечатана въ Пражскихъ газетахъ и произвела тамъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Говорятъ, одинъ русскій въ Берлинѣ напечаталъ ее по русски отдѣльной брошюрой, но навѣрное не знаю. Эта рѣчь поддержитъ въ Славянахъ надежду и вѣру въ Россію, слѣдовательно оказываетъ громадную услугу русскому правительству, которую оно еще теперь цѣнить не умѣетъ.

Жму Вамъ руку и желаю, чтобы вынужденный отдыхъ послужилъ въ пользу Вашему здоровью.

Преданный Вамъ душевно

Ив. Аксаковъ.

7 июля — 78. <с. 20>

Автографъ неизвестен.

Источник текста: Московскій Сборникъ // подъ ред. С. Шарапова. М., 1887. С. 19–20.

<Из Москвы. В Петербург.>

Впервые напечатано: Московскій Сборникъ // подъ ред. С. Шарапова. М., 1887. С. 19–20.

Текст письма воспроизводится по первой публикации.

Комментарии:

Получилъ всѣ Ваши письма... — Письма Пуцковича И. С. Аксакову за первую половину 1878 г. неизвестны. Судя по контексту комментируемого письма Аксакова, Пуцкович несколько раз писал своему корреспонденту в конце июня — начале июля 1878 г. (период подготовки к публикации речи Аксакова против Берлинского конгресса, затем выпуск в свет № 23–24 «Гражданина» с речью Аксакова (4 июля) и немедленно последовавшая цензурная кара против «Гражданина»).

Удивляюсь, что «Гражданинъ» приостановили безъ предостереженія, хотя-бы и третьяго. — В июле 1878 г. журнал «Гражданин» был приостановлен на три месяца за нарушение цензурных правил в приложении к № 23–24, где была опубликована речь И. С. Аксакова, произнесенная 22 июня 1878 г. в Славянском комитете (см. примеч. ниже). В предисловии к подборке писем И. С. Аксакова в «Московском Сборнике» В. Ф. Пуцкович определил публикацию речи фактически как центральный сюжет переписки и подробно остановился на обстоятельствах публикации, наказании за нее и реакции Ф. М. Достоевского на содержание речи: «“Оставайтесь <...> сказалъ мнѣ между

¹ Здѣсь идетъ дѣло о 1,000 оттисковъ рѣчи. (Примеч. В. Ф. Пуцковича). Ср. данные, приводимые Пуцковичем в письме И. С. Аксакову от 15 июля 1878 г.

прочимъ Иванъ Сергѣевичъ; вотъ я готовлю въ годичное собраніе Славянскаго общества рѣчь: пожалуй, какъ-нибудь напечатаете ее?" Я, конечно, изъявилъ согласіе, такъ какъ печаталъ и прежнія его рѣчи, въ томъ числѣ одну тоже извѣстную, сказанную передъ войною, конфискованную» (Московскій Сборникъ / подъ ред. С. Шарапова. М., 1887. С. 17). Присутствовавший при чтении фрагментов речи Ф. М. Достоевский, «замахавъ руками, началъ почти кричать: "Да, вѣдь, васъ сошлютъ, вышлютъ"» (там же. С. 18). Сразу по возвращении в Петербург Пуцыкович напечатал речь Аксакова «въ особомъ прибавленіи». Уже имея два цензурных предупреждения «Гражданину», редактор рассчитывал «въ худшемъ случаѣ» получить третье с приостановкой журнала, но без конфискации номера. Журнал действительно был приостановлен, однако при этом был конфискован тираж, за исключением номеров, уже разосланных подписчикам (там же. С. 18–19).

...одинъ русскій въ Берлинѣ... — Имеется в виду известный славянофил Александр Иванович Кошелёв (1806–1883).

Эта рѣчь ~ оказываетъ громадную услугу русскому правительству, которую оно еще теперъ цѣнить не умѣетъ. — Речь И. С. Аксакова в Славянском комитете от 22 июня 1878 г. содержала резкую критику Берлинского международного конгресса, в т. ч. действий на нем российских дипломатов, которые не смогли ничего противопоставить «открытому заговору против русского народа», против «свободы болгар», «независимости сербов», позволив «Русь-победительницу» разжаловать в «побежденную». Выступление Аксакова вызвало гнев властей. На следующий день ему было объявлено высочайшее повеление немедленно выехать из Москвы в свое имение, где и оставаться впредь до особого распоряжения.